

нія, личный примѣръ, наказанія, награды и проч. остались бы безъ воздѣйствія на умъ, чувства и волю солдата. Вотъ почему культивированіе совѣсти, хорошихъ привычекъ и полезныхъ чувствъ солдата, направленное на то, чтобы онъ понималъ свои обязанности и привыкъ исполнять ихъ, является весьма важнымъ средствомъ дисциплинированія.

С о в ѣ с т ь .

Составные элементы совѣсти были уже разобраны. Здѣсь остается сказать только, что необходимо сдѣлать ясными каждому человѣку его обязанности, иначе онъ можетъ впасть въ противорѣчіе съ ними; необходимо какъ бы *просвѣтить* его совѣсть.

На подобномъ просвѣщеніи совѣсти слѣдуетъ строить постепенное дисциплинированіе солдата. Въ данномъ случаѣ дисциплинированіе солдата есть цѣль, а культура совѣсти является средствомъ, навѣрняка ведущимъ къ этой цѣли.

Культура совѣсти солдата есть ничто иное, какъ продолженіе и расширеніе той культуры, которую проводили семья и общество, вообще вся жизнь, въ теченіе 20 лѣтъ, до прихода его на службу. Но, если до этого возраста упомянутая культура не была правильно руководима, то въ казармѣ, подъ надзоромъ начальниковъ, она можетъ получить опредѣленное направленіе и быть методично руководимой такъ, чтобы привести къ достиженію желаннаго результата—дисциплинированію солдата.

Совѣсть солдата культивируется: 1) посредствомъ *последовательнаго раскрытія ему его обязанностей* (въ опредѣленные часы обученія) и 2) посредствомъ *всѣхъ другихъ средствъ воспитанія*: руководства, приказаній, контроля, личного примѣра, наказаній, наградъ и пр. средствъ, которые всюду и вездѣ примѣнимы, пока солдатъ находится на дѣйствительной службѣ.

Просвѣщенная такимъ образомъ совѣсть будетъ лучшимъ руководителемъ солдата во всѣхъ его дѣлахъ; она будетъ надежнѣйшимъ залогомъ того, что онъ выполнитъ свои обязанности, такъ какъ, независимо отъ воздѣйствій начальника, у него будетъ постоянный внутренній руководитель по пути исполненія его обязанностей и готовый судья на случай нарушенія послѣднихъ. Нравственное удовлетвореніе или угрызенія совѣсти будутъ для него наградой или наказаніемъ отъ этого внутренняго судьи за сдѣланное добро или зло.

Хорошія привычки.

Въ образованіи нравственнаго характера большую роль играютъ хорошія привычки. И дѣйствительно, разъ въ исполненіи какой-нибудь обязанности человѣкъ дошелъ до привычки, у него создается расположеніе исполнять эту обязанность безъ какого бы то ни было побужденія извнѣ. То, въ чемъ человѣкъ напрактиковался, онъ дѣлаетъ охотно и безъ затрудненія; онъ даже не можетъ поступать иначе, потому что привычка для него сдѣлалась второй природой. Въ данномъ случаѣ привычка играетъ роль *внутренней побудительной силы, всегда готовой заставить человека дѣйствовать, какъ только представятся къ тому подходящія условія*. Съ этой именно стороны на привычку можно смотрѣть, какъ на воспитательное средство. Поэтому каждый начальникъ долженъ стремиться развить у солдата до привычки исполненіе всѣхъ его обязанностей, допускающихъ такое развитіе; а для этого надо помнить основное правило, что *привычки можно достигнуть посредствомъ повторенія*. При этомъ надо имѣть въ виду и слѣдующія правила:

1) *Образованіе хорошихъ привычекъ должно начаться уже при вступленіи молодого солдата въ военную среду*; для этой цѣли, офицеръ-воспитатель и близкіе къ молодому солдату начальники изъ нижнихъ чиновъ должны съ самаго начала приняться за работу съ настойчивостью и постоянствомъ.

2) *Первоначальнымъ обученіемъ и воспитаніемъ молодыхъ солдатъ долженъ руководить одинъ и тотъ же офицеръ*.

3) *Какъ воспитатель, офицеръ, а равно и начальствующіе нижніе чины должны служить молодому солдату образцомъ во всѣхъ отношеніяхъ*; въ нихъ онъ долженъ видѣть воплощеніе хорошихъ качествъ и привычекъ.

Нельзя достигнуть того, чтобы исполненіе всѣхъ обязанностей сдѣлалось привычнымъ; но тамъ, гдѣ возможно, къ этому должно стремиться. Цѣнными въ указанномъ отношеніи привычками, достиженіе которыхъ возможно, являются: привычка солдата *подчиняться* (быть послушнымъ и исполнительнымъ) и сообразоваться съ военнымъ *этикетомъ*, привычка быть *мужественнымъ*, привычка сообразоваться съ *порядкомъ* и быть *точнымъ*, привычка быть постоянно *въ работѣ* и пр.

Привычка солдата *подчиняться* отвѣчаетъ основной обязанности каждаго военнаго—подчиненію. Эта привычка вкореняется посредствомъ ряда воспитательныхъ средствъ (приказаніе, контроль и др.), посредствомъ строя и внутренней организациіи военныхъ массъ. Дѣйствіе указанныхъ средствъ состоитъ въ томъ, что они, ставя солдата безконечное число разъ въ условія, требующія исполненія воли начальника, заставляютъ его привыкнуть къ подчиненію.

Привычка солдата *сообразоваться съ военнымъ этикетомъ* отвѣчаетъ обязанности уваженія къ начальникамъ и старшимъ. Эта привычка поддерживаетъ посредствомъ внѣшнихъ формъ внутреннее уваженіе къ начальнику. Она вкореняется, благодаря непрерывному наблюденію со стороны всѣхъ начальниковъ, чтобы подчиненные и младшіе всегда отдавали имъ честь и были бы вообще почтительными во всѣхъ случаяхъ.

Привычка солдата *быть всегда мужественнымъ* отвѣчаетъ основной обязанности каждаго военнаго. Военная служба не представляетъ условій для выработки у солдата мужества во всѣхъ его формахъ; только на войнѣ и въ бояхъ можно выработать недостижимыя въ мирное время привычки; но все же солдатъ можетъ выработать хотя нѣкоторую привычку быть терпѣливымъ, смѣлымъ и хладнокровнымъ среди опасностей, если использовать всѣ благоприятные для этой цѣли случаи, которые представляются во время его службы.

Привычка солдата *сообразоваться съ порядкомъ* и быть точнымъ соотвѣтствуетъ основной обязанности подчиненія. Она вырабатывается посредствомъ постоянного подчиненія самого себя установленному внутреннему (въ казармѣ) и внѣшнему (въ строю) порядку и посредствомъ точнаго исполненія приказаній.

Привычка солдата *быть постоянно занятымъ работой* отвѣчаетъ обязанности каждаго человѣка по отношенію къ самому себѣ—трудиться. Посредствомъ каждодневнаго обученія эта привычка создается, хотя и медленно, но вѣрно. Будучи постоянно занятъ дѣломъ, солдатъ приучается къ прилежанію и постоянству. Въ такомъ случаѣ онъ становится разумнымъ и послушнымъ орудіемъ въ рукахъ начальника; постоянный трудъ развиваетъ его мыслительныя способности и дѣлаетъ его болѣе свѣдущимъ и сообразительнымъ при совершеніи своей дѣятельности. Эта привычка прогоняетъ лѣнь и всѣ пороки, происходящіе отъ нея.

Чувства и ихъ культура.

Въ изложенномъ до сихъ поръ часто шла рѣчь о развитіи однихъ и о подавленіи другихъ чувствъ. Такъ, при разсмотрѣніи наказаній, выдвигалось значеніе страха и указывалось на нѣкоторыя карательныя средства, способствующія его возбужденію, съ цѣлью противодѣйствія другимъ чувствамъ и наклонностямъ, несогласнымъ съ военной дисциплиной; при разсмотрѣніи наградъ упоминалось о возбужденіи соревнованія, любви къ чужому одобренію и пр.; при изложеніи обязанностей къ начальнику говорилось объ уваженіи, любви и пр.

Большая важность чувствъ, какъ воспитательнаго средства въ военномъ дѣлѣ, требуетъ систематическаго изложенія способовъ и средствъ возбужденія полезныхъ и подавленія вредныхъ съ военной точки зрѣнія чувствъ. Къ этому именно изложенію мы теперь и приступимъ.

Когда идетъ рѣчь о культурѣ чувствъ, обыкновенно понимаютъ подъ этимъ, главнымъ образомъ и даже исключительно, душевныя чувства, потому что *тѣлесныя* чувства, связанныя съ жизненными функціями тѣла, ускользаютъ отъ вліянія воли. Это особенно относится къ періодическимъ потребностямъ человѣческаго тѣла, такъ на примѣръ, мучительныя чувства *голода* и *жажды* можно преодолѣть и то лишь временно, только посредствомъ терпѣнія, но подавить ихъ совершенно нѣтъ возможности. Единственное средство прекратить эти чувства и возстановить силы солдата—накормить и напоить его. Такъ, передъ отправленіемъ въ походъ, надо закусить, а не идти съ пустымъ желудкомъ; надо своевременно отправлять впередъ кухни (если это возможно), чтобы имѣть теплую пищу къ обѣду и ужину; надо носить на себѣ запасъ пищи и воды; надо заранѣе и хорошо накормить солдатъ, если не предвидится возможности накормить ихъ скоро (усиленный переходъ, бой) и пр. Тѣлесное мучительное чувство *усталости* преодолевается посредствомъ постепеннаго приученія солдата къ все болѣе и болѣе длиннымъ переходамъ въ полномъ походномъ снаряженіи, а устраняется посредствомъ отдыха и сна. И тутъ терпѣніе можетъ поддерживать солдата и давать ему возможность переносить усталость даже въ крайнихъ случаяхъ.

Что касается *душевныхъ* чувствъ, полезныхъ съ военной точки зрѣнія, то ихъ культура бываетъ двоякая: *отрицательная*, которая состоитъ въ ограниченіи и даже совершенномъ подавленіи

вредныхъ чувствъ, и *положительная*, которая состоитъ въ возбужденіи, развитіи и усиленіи полезныхъ чувствъ.

Отрицательная культура. Желая ослабить и подавить вредныя для военнаго дѣла чувства, начальникъ долженъ *стараться ослаблять*, отстранять или *предупреждать причины*, вызывающія эти чувства, памятуя, что *предупрежденіе важнѣе* леченія. Кромѣ того, чтобы ослабить вредныя чувства и воспрепятствовать ихъ возникновенію, *надо укрѣплять умственныя силы* солдата, давая ему во время его подготовки точныя знанія относительно его дѣятельности въ мирное и военное время и дѣлая его способнымъ ясно разсуждать объ его призваніи, о необходимости единоподушія, подчиненія, довѣрія, товарищества и проч. Наконецъ, ослабленіе или подавленіе вредныхъ чувствъ достигается лучше всего *посредствомъ развитія и укрѣпленія противоположныхъ имъ чувствъ.*

Положительная культура достигается слѣдующими двумя способами: во-первыхъ, можно *ставитъ солдата въ условія, которыя, производя на него сильное впечатлѣніе, могутъ возбудитъ въ немъ желательное полезное чувство.* При этомъ полезныя чувства могутъ быть подчеркнуты умышленно одобреніями и похвалами.

Во-вторыхъ, сама *среда, въ которой живетъ солдатъ, можетъ вызывать въ немъ полезныя чувства.* Всякій солдатъ, а особенно молодой, склоненъ подражать тому, что происходитъ кругомъ него; а потому онъ легко проникается тѣмъ духомъ, который господствуетъ въ той средѣ, въ которой онъ живетъ. О значеніи духа части уже говорилось; здѣсь будетъ сказано нѣсколько словъ только о *вліяніи сильныхъ впечатлѣній.*

Такъ какъ представленія создается изъ ощущеній, а послѣднія бываютъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ сильнѣе впечатлѣнія, то ясно, что впечатлѣніе является исходной точкой для дѣйствія. *Чѣмъ сильнѣе впечатлѣніе, тѣмъ вѣрнѣе, что оно можетъ стать причиною дѣйствія* (поступка). А во многихъ случаяхъ впечатлѣніе можно *усилить искусственно.* Этотъ способъ часто употребляется въ общественной жизни для привлеченія или побужденія людей къ дѣлу, исполненіе котораго связано съ трудомъ, страданіями и даже смертью. Такъ, напримѣръ, если начальникъ позоветъ въ сторону солдата, которому присуждена награда, и дастъ ему въ руку крестъ «за храбрость», то впечатлѣніе, которое будетъ получено отъ этого факта, врядъ ли будетъ имѣть достаточную силу,

чтобы побудить другихъ къ геройскимъ поступкамъ въ будущемъ; но, если начальникъ прикажетъ построить часть, вызоветъ того же солдата передъ фронтомъ и, сказавъ короткую, но пламенную рѣчь, собственноручно прикрѣпитъ крестъ на грудь солдата подъ звуки музыки, когда вся часть держитъ ружья «на карауль», то впечатлѣніе будетъ настолько сильно, что навѣрное подѣйствуетъ и побудитъ остальныхъ солдатъ къ неустрашимости, терпѣнію и храбрости въ предстоящихъ бояхъ. Для того, чтобы заставить кого нибудь исполнить порученіе, часто привлекаютъ его золотомъ, которое не только ему обѣщаютъ, но и покажутъ. Если же нѣтъ возможности непосредственно произвести сильное впечатлѣніе посредствомъ вещи, обладаніе которою желательно, то прибѣгаютъ къ описанію прелестей этой вещи, ея значеніе описывается въ самой привлекательной формѣ; такой характеръ носила на примѣръ, первая прокламація Наполеона къ его итальянской арміи ¹⁾).

Понятно, обстановка будетъ производить тѣмъ болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ сами люди, на которыхъ оказывается вліяніе, болѣе впечатлительны. Впечатлительныя натуры легко поддаются такому способу воздѣйствія: картинность, театральность и эффекты часто овладѣваютъ ими и заставляютъ ихъ совершать даже такіе поступки, которые находятся въ противорѣчій съ ихъ убѣжденіями. Посредствомъ такого способа легче воздѣйствовать на толпу, чѣмъ на отдѣльную личность. Однако бываютъ случаи, въ особенности въ военное время, когда обстановка, явленія и предметы, которые окружаютъ солдата, дѣйствуютъ на него въ совсѣмъ нежелательномъ направленіи; въ такомъ случаѣ вовсе бесполезно, чтобы поступки солдата опредѣлялись воздѣйствіемъ на него потрясающихъ впечатлѣній, на примѣръ, во время боя. При такомъ условіи, начальники никогда бы не удержали подчиненныхъ въ своихъ рукахъ; солдаты не были бы инструментомъ, пригоднымъ для борьбы. Вотъ почему *въ арміи, гдѣ управленіе поступками другихъ должно быть доведено до совершенства, необходимо, посредствомъ систематическаго воспитанія и строгой дисциплины, притупить насколько возможно впечатлительность солдатъ къ*

1) Вотъ эта прокламація: «Солдаты! Вы голодны, вы голы; правительство вамъ должно и очень, а дать вамъ ничего не можетъ. Ваши терпѣніе и мужество, которыя вы проявили среди этихъ горъ, чудесны; но все это не доставило вамъ никакой славы, не отразилось на васъ никакимъ блескомъ. Я хочу привести васъ въ самыя плодородныя поля міра. Богатыя области, большіе города перейдутъ въ вашу власть! Тамъ вы найдете почести, славу и богатство. Солдаты итальянской арміи. Неужели возможно, чтобы у васъ не оказалось мужества и постоянства?»

если они не вполне правдоподобны. Для поддержанія радостнаго настроенія, даже для того, чтобы вызвать воодушевленіе нижнихъ чиновъ, самое вѣрное средство есть *музыка*. Въ рукахъ искусныхъ начальниковъ она можетъ повысить въ два и три раза силу солдатъ. Многіе знаменитые начальники посылали свои войска подъ восторженные звуки музыки на вѣрную побѣду (Шейново, Сливница). Тоже самое дѣйствіе въ бою оказываютъ и *пѣсни*, въ особенности, когда они поются хоромъ всѣми солдатами (Болгарское ополченіе подъ Ески-Загрой и на Шипкѣ). Пѣсни и музыка придають атакѣ стремительность урагана.

Культура печали.

Извѣстно, что печаль парализуетъ въ извѣстной степени (хотя и не такъ, какъ страхъ) мускульную дѣятельность и ослабляетъ умственные процессы. Разъ это такъ, она не можетъ быть полезнымъ для военнаго дѣла чувствомъ; поэтому печаль должна культивироваться *отрицательно*, т. е. подавляться. Но, если имѣется на это возможность, печаль должна вызываться у непріятеля для того, чтобы хоть сколько нибудь парализовать его дѣйствія. Въ мирной *казарменной жизни* причины, которыя могутъ вызвать печаль у солдата, бываютъ очень разнообразны: молодые солдаты, особенно въ первое время, страдаютъ душевно изъ-за разлуки со своими домашними; для нихъ сильная печаль можетъ обратиться въ болѣзнь, извѣстную подъ именемъ «*ностальи*». Необходимо сдѣлать все возможное, чтобы молодой солдатъ уже въ самомъ началѣ получилъ пріятныя впечатлѣнія какъ отъ обстановки въ казармѣ (одежда, обувь, кровать, пища и пр.), такъ и отъ обращенія своихъ начальниковъ. Печальныя вѣсти отъ родителей, несправедливое отношеніе, обиды, ругань и униженія легко могутъ причинить печаль чувствительному солдату. Горе мѣшаетъ обученію солдата: онъ становится разсѣянъ и невнимателенъ, такъ какъ не думаетъ о томъ, что дѣлаетъ или что долженъ сдѣлать. Все это дурно отражается на его успѣхахъ въ обученіи. Поэтому инструкторъ долженъ быть всегда внимателенъ въ своемъ обращеніи съ солдатомъ, всматриваться въ выраженіе его лица и, если замѣтитъ, что онъ чѣмъ нибудь огорченъ (печаль легко замѣтить), разспросить его и узнать причины его горя, выразить ему состраданіе и, если это возможно, под-

нять его духъ. *Во время войны* печаль и отчаяніе должны особенно энергично подавляться. Они овладѣваютъ нижними чинами больше всего въ дни несчастій; тогда скорбятъ о потерянномъ сраженіи, о потерянной чести, о понесенныхъ матеріальныхъ потеряхъ (о погибшихъ лошадахъ, о плѣнныхъ, объ орудіяхъ, знаменахъ, городахъ и др.).

Однимъ изъ *общихъ средствъ* противъ отчаянія солдатъ считается отдыхъ и пища, особенно для изнуренныхъ войскъ. Пережитыя несчастія, да и ихъ собственное положеніе, имъ кажутся обыкновенно гораздо тяжелѣе и ужаснѣе, чѣмъ каковы они на самомъ дѣлѣ. Поэтому *неблагопріятныя слухи* должны устраняться; если какое-нибудь сраженіе будетъ проиграно, надо стараться, чтобы извѣстіе о немъ не распространилось, а если о немъ стало извѣстно, надо умалить, обезцѣнить значеніе факта. Когда наши потери велики, надо распространять слухи о томъ, что у противника потерь въ два или три раза больше. Послѣ нерѣшительныхъ сраженій надо поздравлять солдатъ съ побѣдой, дабы они не подумали, что побѣждены; если отступаютъ, внушить имъ мысль, что заманиваютъ непріятеля и пр. и пр.

Вообще, когда стеченіе неблагоприятныхъ обстоятельствъ приводитъ къ упадку духа или отчаянію и озабоченности солдатъ, надо отвлекать ихъ вниманіе отъ неблагоприятной дѣйствительности, стараясь, чтобы *ихъ представленія получили другое направленіе*. Въ такомъ случаѣ и ихъ поступки измѣняются въ зависимости отъ измѣненія въ теченіи ассоціацій. Вотъ примѣры такого измѣненія хода представленій. Суворовъ при Требії (рѣка въ Италіи) замѣтилъ, какъ одинъ баталіонъ отступалъ почти-что бѣгомъ. Зная, что отступление всегда ассоціируется со слабостью и пораженіемъ, онъ подбѣзжаетъ къ баталіону и очень хитро измѣняетъ упомянутую ассоціацію въ головахъ отступающихъ солдатъ словами: «Заманивай, заманивай его», а затѣмъ: «Ну, теперь довольно! Впередъ! Ура!...» и баталіонъ бросился въ штыки. Такимъ же способомъ дѣйствовалъ Суворовъ и въ другой разъ. Русскія войска два раза осаждали крѣпость Измаиль и оба раза безуспѣшно; естественно, что и третья осада уже связана была съ мыслью объ отступленіи. Но Суворовъ передъ штурмомъ въ приказѣ обращается къ войскамъ со слѣдующими словами: «Два раза русская армія осаждала Измаиль и оба раза отступала. Намъ остается въ третій разъ побѣдить или умереть со славою». Послѣдними словами онъ измѣняетъ ходъ ассоціаціи въ желанномъ направленіи. Девизомъ болгарскихъ

повстанцевъ были слова «свобода или смерть» выразившія идею, которая разрушала привычную ассоціацію о жизни съ рабствомъ.

Видъ убитыхъ и раненыхъ, похороны умершихъ вызываютъ печаль и состраданіе; поэтому *юспитали и перевязочные пункты* слѣдуетъ располагать въ сторонѣ отъ войскъ и скрытно; *раненыхъ* надо быстро убирать съ линіи огня и вообще съ поля сраженія, а *умершихъ*— хоронить безъ музыки. Наконецъ, надо, чтобы *самъ начальникъ подавалъ солдатамъ примѣръ своимъ хладнокровіемъ*. Въ тяжелые дни войны, какъ бы велико ни было душевное страданіе офицера, внѣшне онъ долженъ сохранять спокойствіе и не подавать никакихъ признаковъ отчаянія, потому что оно будетъ замѣчено его солдатами, которые придуть еще въ гораздо большее отчаяніе. Своимъ личнымъ примѣромъ начальникъ можетъ разсѣять печаль, возстановить спокойствіе, поднять духъ своихъ подчиненныхъ и заставить ихъ съ надеждою ждать грядущихъ событій.

На полѣ сраженія, когда войска стоятъ другъ противъ друга, *все, что радуется одну изъ сторонъ, тревожитъ и можетъ приводить въ отчаяніе другую*. Послѣ сраженія, когда радость господствуетъ въ рядахъ побѣдителей, побѣжденнаго волнуетъ страхъ и печаль, а за ними можетъ придти и отчаяніе. Побѣда или взятіе какого-нибудь города на другомъ участкѣ того же театра войны или даже и на другомъ театрѣ войны, если о нихъ будетъ какимъ-нибудь образомъ передано находящемуся передъ нами непріятелю, можетъ вызвать горе и отчаяніе въ его рядахъ (римляне подбросили голову Аздрубала въ лагерь его брата Аннибала. «Плевна взята!»).

Культура гнѣва.

Всѣ проявленія гнѣва, которыя направлены *во вредъ совмѣстной и товарищеской жизни въ средѣ солдатъ, должны сдерживаться*, т. е. должны подвергаться *отрицательной* культурѣ.

Сдерживаніе гнѣва, когда онъ имѣетъ вышеупомянутое вредное направленіе, должно происходить въ духѣ данныхъ уже ранѣе правилъ объ отрицательной культурѣ чувствъ. Часто одно лишь *присутствіе офицера* достаточно для того, чтобы усмирить взрывъ гнѣва или предотвратить такой взрывъ, если была *для него причина*. Кромѣ того, *самообладаніе офицера*, т. е. его способность не поддаваться приступамъ гнѣва, должно служить примѣромъ для его подчиненныхъ. Частые гнѣвъ и ярость офицера передъ подчи-

ненными приводить и послѣднихъ къ тѣмъ же чувствамъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Далѣе, начальникъ долженъ развивать умственныя силы солдатъ, внушая имъ ясныя идеи и правильные взгляды на необходимость товарищества, справедливыхъ и честныхъ отношеній съ другими солдатами, такъ какъ при подобныхъ только отношеніяхъ совмѣстная жизнь и дружная успѣшная боевая дѣятельность становятся возможными. Кромѣ того, *культивируя чувства, противоположныя гнѣву*, воспитатель солдата успѣетъ подавить проявленія его гнѣва.

Такъ какъ офицеръ часто можетъ быть поставленъ въ необходимость прибѣгать къ наказаніямъ и къ строгимъ мѣрамъ, *то поэтому онъ долженъ быть особенно внимателенъ, чтобы не настраивать солдатъ противъ себя и не вызвать въ нихъ чувства мести*. Опасность эта становится еще больше, когда въ отношеніяхъ офицера къ его подчиненнымъ имѣютъ мѣсто пристрастіе, несправедливости, злоупотребленіе властью и чересчуръ частыя наказанія. Поэтому офицеръ долженъ относиться къ своимъ подчиненнымъ безпристрастно и справедливо, наказывая ихъ въ мѣру; замѣчанія и выговоры онъ долженъ дѣлать въ приличной формѣ, а не грубо, со злобой, и вообще не такимъ способомъ, который можетъ иногда вызвать моментальный взрывъ гнѣва у подчиненнаго.

Но офицеру-воспитателю надо помнить, что его обязанность по отношенію къ гнѣву состоитъ не въ томъ, чтобы искоренить гнѣвъ, какъ чувство, вредное по существу. *Гнѣвъ есть одна изъ необходимыхъ способностей человѣка, которая имѣетъ свое законное поле дѣйствія. Даже болѣе: гнѣвъ необходимъ и для того, чтобы придать жизнь и энергію высшимъ и благороднымъ нашимъ чувствамъ*. Инстинктъ мщенія, какъ бы онъ ни былъ грубъ и жестокъ, пока онъ не укрощенъ, можетъ быть превращенъ въ очень похвальное чувство, если онъ приметъ форму благороднаго гнѣва и негодованія противъ несправедливостей, преступныхъ и безнравственныхъ дѣлъ. Даже для того, чтобы воспитать человѣка въ духѣ истины и справедливости, необходимо, чтобы онъ могъ возмущаться и загораться благороднымъ гнѣвомъ передъ ложью, несправедливостью и вообще передъ всѣмъ безнравственнымъ; въ такомъ случаѣ гнѣвъ не только теряетъ свой непривлекательный характеръ, но и становится чувствомъ достойнымъ восхищенія.

Какъ извѣстно, *гнѣвъ тѣсно связанъ съ инстинктомъ самосохраненія*; вслѣдствіе этого, онъ пріобрѣтаетъ особое значеніе во всякой борьбѣ и, въ частности, въ бою. Если солдатъ потерялъ вся-

кую надежду на успѣхъ или же онъ охваченъ паническимъ страхомъ, то, когда онъ находится передъ непріателемъ, инстинктъ самосохраненія можетъ вывести его изъ равновѣсія и обратить въ бѣгство, конечно, если не окажется сильныхъ нравственныхъ устоевъ, могущихъ задержать въ немъ голосъ инстинкта. Въ самый же моментъ штурма, въ пылу штыкового боя, когда солдатъ сталкивается грудь съ грудью съ противникомъ, онъ попадаетъ въ положеніе человѣка «прижатого къ стѣнѣ». Движимый опять тѣмъ же инстинктомъ самосохраненія, онъ уже видитъ свое спасеніе въ отчаянной борьбѣ, въ штыкѣ, въ прикладѣ, въ шашкѣ, въ своихъ рукахъ и зубахъ; сильная мускульная дѣятельность, которая ему необходима въ такой моментъ, можетъ быть дана только гнѣвомъ, который въ отчаянной борьбѣ на жизнь и смерть приходитъ на помощь инстинкту самосохраненія.

Такъ какъ гнѣвъ въ своей самой сильной степени *скоро проходитъ*, то вызывать его слѣдуетъ лишь въ нужные моменты.

Изъ вышеизложеннаго видно, *что по отношенію къ непріателю гнѣвъ надо культивировать положительно какъ въ мирное, такъ и въ военное время, подъ видомъ благороднаго негодованія по поводу страданій нашихъ сородичей подъ игомъ непріателя, по поводу посягательства на наши отечественные интересы, по поводу покушенія на нашихъ товарищей и начальниковъ и проч.; а передъ боемъ, во время самаго боя и въ моментъ удара въ штыки гнѣвъ солдата долженъ доходить до наибольшаго напряженія.* Яростный приступъ гнѣва въ этотъ рѣшающій моментъ заглушить всякую мысль объ отступленіи и, стремительно толкая массу впередъ на окопы противника, будетъ поддерживать въ ней страстное желаніе броситься на врага, вступить съ нимъ въ рукопашный бой и задушить его.... Часто солдатъ со слабыми умственными способностями, которому не хватаетъ ума для постиженія тонкостей воинскихъ добродѣтелей, а также солдатъ со слабымъ тѣлеснымъ развитіемъ, проявляетъ чудесную физическую храбрость въ моментъ атаки подъ вліяніемъ слѣпой *ярости* по отношенію къ врагу.

Культура страха.

Какъ извѣстно, страхъ порождается представленіемъ о предстоящей опасности и бываетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ ближе и неизбѣжнѣ опасность. Страхъ овладѣваетъ человѣкомъ раньше, чѣмъ

наступить страданіе, съ которымъ связана угрожающая опасность; въ моментъ переживанія самаго этого страданія испытывается уже не страхъ, а боль или мучительная скорбь.

Такъ какъ страхъ парализуетъ какъ умственную, такъ и мускульную дѣятельность, то онъ дѣйствуетъ разрушительно на боевую способность войскъ. Вотъ почему *культура страха должна быть отрицательной для своихъ солдатъ и положительной по отношенію къ непріятелю.*

Искорененіе страха у солдатъ.

Ближайшіе къ нижнимъ чинамъ начальники должны пользоваться во время мирной подготовки солдатъ каждымъ удобнымъ случаемъ для подавленія въ нихъ страха и развитія безстрашія, смѣлости, хладнокровія, быстроты соображенія. Въ силу только что сказаннаго, не слѣдуетъ обходить ни одного препятствія или упражненія, требующаго риска; безразлично, на машинахъ или въ полевой гимнастикѣ, въ верховой ѣздѣ или съ орудіемъ въ запряжкѣ. Избѣганіе подобныхъ упражненій или препятствій можетъ быть оправдано желаніемъ предохранить солдатъ отъ несчастныхъ случаевъ; но не слѣдуетъ забывать, что, при подобномъ способѣ обученія, солдатъ останется такимъ, какимъ онъ былъ до службы, часто малодушнымъ, и не станетъ ни безстрашнѣе, ни смѣлѣе.

Такъ какъ *отступленіе* внушаетъ недовѣріе къ своимъ силамъ и вызываетъ страхъ у солдата, то полезно *пріучать солдата къ наступленію* такъ, чтобы онъ проникся отвращеніемъ къ отступленію и не думалъ о немъ. Такимъ образомъ у солдата можно выработать навыкъ къ постоянному стремленію впередъ; войска, въ которыхъ выработанъ такой наступательный духъ, проявляютъ больше безстрашія и они способны, даже будучи въ меньшемъ числѣ, вести наступательную войну²⁾.

Извѣстно, что страхъ тѣмъ больше, чѣмъ неопредѣленнѣе и

---

2) Суворовъ не допускалъ обученія его войскъ отступленію и пассивной оборонѣ; въ своихъ приказахъ онъ говорилъ: «Лучше о нихъ (отступательныхъ дѣйствіяхъ) и не помышлять: вліяніе ихъ солдату весьма опасно, ниже о какихъ ретирадахъ въ пѣхотѣ и кавалеріи не мыслить. Одно званіе оборона доказываетъ слабость, слѣдовательно наводитъ робость».

Желая искоренить въ своихъ войскахъ самое понятіе объ отступленіи, онъ доходилъ до такихъ мелочей, что, напр., не позволялъ отступать назадъ даже для равненія: «Шагъ назадъ—смерть; впередъ два, три, десять шаговъ дозволяю».

чѣмъ менѣе извѣстно то зло или страданіе, которое насъ ожидаетъ. Для того, чтобы устранить страхъ, происходящій отъ неизвѣстности, *надо раскрыть солдату все то, что его ожидаетъ, или то, что ему предстоитъ дѣлать, если оно связано съ опасностями и страданіями.* Такое ознакомленіе съ предстоящимъ дѣйствуетъ успокоительно и уменьшаетъ страхъ. Предупрежденный еще въ мирное время о томъ сопротивленіи, которое ему предстоитъ встрѣтить, и о тѣхъ ударахъ, которые ему придется хладнокровно выносить со дня вступленія на поле сраженія, солдатъ будетъ меньше пораженъ опасностями, такъ какъ онъ ихъ уже отчасти предвидѣлъ; а для храброй души предвидѣть опасность—значитъ заранѣе побѣдить ее. Кромѣ того, усвоеніе солдатомъ сущности его дѣла въ бою придастъ силы его духу и приучитъ его не доходить до отчаянія даже въ самыя мрачныя и въ самыя трагическія минуты войны. Въ мирное время это требованіе удовлетворяется самымъ ходомъ *обученія* солдата всему тому, что ему предстоитъ дѣлать въ бою. Чѣмъ больше при обученіи извѣстнымъ отраслямъ военнаго дѣла (при сторожевой и развѣдочной службѣ, на тактическихъ ученіяхъ, во время дѣйствій при орудіяхъ съ уменьшеннымъ числомъ номеровъ, на вспомогательныхъ дѣйствіяхъ и вспомогательныхъ упражненіяхъ съ орудіемъ; при обученіи стрѣльбѣ по такимъ цѣлямъ, которыя близки къ боевымъ и чаще другихъ встрѣчаются въ бою; при стрѣльбѣ съ маневрированіемъ и пр.) обстановка приближается къ боевой, тѣмъ болѣе развиваются у солдата спокойствіе и быстрота соображенія.

Точно также, чѣмъ разнообразнѣе и чѣмъ ближе приближаются къ обстановкѣ военнаго времени случаи, воспроизведенные на ученьяхъ и пройденные солдатами, тѣмъ яснѣе становится для нихъ картина войны и боя, тѣмъ болѣе они знакомятся съ тѣмъ, что можетъ съ ними случиться, и съ тѣмъ, какъ надо въ такихъ случаяхъ дѣйствовать. Все то, что во время войны явится для солдата впервые, будетъ для него неожиданностью, а слѣдовательно будетъ вызывать въ немъ страхъ, безпокойство и чувство неизвѣстности.

Во *время войны*, для той же цѣли—именно для того, чтобы раскрыть солдату предстоящія особенности войны и боя, которыя могутъ застать его врасплохъ и напугать, начальникъ долженъ иногда говорить солдатамъ всю правду, хотя бы она и была страшной для нихъ. Но, знакомя ихъ съ еще неизвѣстнымъ имъ будущимъ, надо говорить такъ, чтобы не запугивать ихъ, а внушать имъ мысль,

что *нужно только побольше усилій и врагъ будетъ сломенъ* ³⁾. Тогда солдатъ готовится къ предстоящимъ трудностямъ и спокойнѣе встрѣчаетъ ихъ. Въ противномъ случаѣ, чѣмъ больше неизвѣстность, тѣмъ сильнѣе будетъ страхъ, потому что воображеніе рисуетъ опасность больше, чѣмъ она есть на самомъ дѣлѣ. Даже если и нѣтъ дѣйствительной опасности, неизвѣстность всетаки будетъ вызывать страхъ въ душѣ солдата.

Въ бою и въ минуты большой опасности, естественно предполагать, что солдатъ будетъ охваченъ страхомъ. Въ такіе моменты начальникъ имѣетъ возможность ослабить и даже совершенно прогнать этотъ страхъ и замѣнить его полнымъ безстрашіемъ, смѣлостью и хладнокровіемъ, *своимъ присутствіемъ при войскахъ, своимъ личнымъ примѣромъ или внушительной рѣчью*. И дѣйствительно, каждый начальникъ, присутствуя среди своихъ солдатъ и подавая имъ самъ примѣръ безстрашія, смѣлости и хладнокровія, можетъ сдѣлать много для того, чтобы прогнать у нихъ страхъ, успокоить ихъ и даже увлечь ихъ впередъ; при этомъ, чѣмъ выше начальникъ, тѣмъ ему легче можетъ удасться подавленіе страха у

---

³⁾ Суворовъ никогда не скрывалъ отъ своихъ солдатъ предстоящихъ трудностей и опасностей; но, рассказывая о нихъ, онъ противопоставлялъ имъ храбрость чудо-богатырей, честь русскаго оружія и волю верховнаго вожди. «Видите ли эту крѣпость», обращался онъ къ своимъ войскамъ, показывая на Измаплъ, «стѣны ея высоки, рвы глубоки, а всетаки намъ нужно взять ее. Матушка Царица приказала и мы должны ее слушаться».

Въ томъ же духѣ дѣйствовалъ Суворовъ въ Мутэнѣ (въ Швейцаріи), раскрывая передъ военнымъ совѣтомъ критическое положеніе отряда. Колонна Корсакова потерпѣла поражение при Цюрихѣ; изъ австрійскихъ колоннъ одѣ были разбиты, а другія отступили за Рейнъ, оставивъ Суворова одного въ Мутэнской долицѣ, между Молпторомъ и побѣдоносными войсками Массены. Именно въ этотъ критическій моментъ Суворовъ показалъ до какой высокой степени онъ умѣлъ подчинять себѣ духовно начальниковъ и массы войскъ и совершалъ съ ними безпримѣрные подвиги. Въ своей трогательной рѣчи къ военному совѣту вотъ какъ онъ описываетъ обстановку:

«Теперь идти намъ впередъ на Швицъ - невозможно. У Массены свыше 60.000 человекъ; а у насъ нѣтъ полныхъ и 20.000. Идти назадъ... стыдъ! Это значило бы отступать..., а русскіе... и я... никогда не отступали!.. Мы окружены горами; мы въ горахъ! У насъ осталось мало сухарей на пищу; а менѣе того (соевыхъ артиллерійскихъ снарядовъ и ружейныхъ патроновъ). Мы будемъ окружены врагомъ сильнымъ, возгордившимся побѣдою..., побѣдою, устроеною коварною измѣною!

Помощи теперь намъ ожидать не отъ кого; одна надежда на Бога, другая на величайшую храбрость и на высочайшее самоотверженіе войскъ вами предводимыхъ. Это одно остается намъ. Намъ предстоятъ труды величайшіе, небывалые въ мірѣ: мы на краю пропасти!.. Но мы русскіе! Съ нами Богъ! Спасите, спасите честь и достоиніе Россіи и ея Самодержца, Отца нашего Государя Императора!.. Спасите сына Его, Великаго князя Константина Павловича, залогъ Царской милостивой къ намъ довѣренности!».

солдатъ и замѣна его полнымъ равнодушіемъ къ смерти. *Внутреннее слово* начальника точно также, какъ и присутствіе его, имѣеть рѣшительное вліяніе на уничтоженіе страха. Здѣсь передъ нами выступаетъ значеніе военнаго краснорѣчія, которое состоитъ отнюдь не въ длинныхъ и блѣдныхъ бесѣдахъ или въ пышныхъ рѣчахъ, а въ короткомъ, полномъ огня словѣ, которое *дѣйствуетъ на воображеніе и увлекаетъ массу величіемъ и простотой мысли, а также смѣлыми и вдохновенными выраженіями и словами.*

Суевѣрный страхъ.

Такой страхъ у простолюдина-солдата иногда можетъ послужить причиной упадка духа. Тайнственность явленій природы пугаетъ его и онъ склоненъ смотрѣть на нихъ, какъ на *предвѣстниковъ большихъ несчастій*, которыя обрушатся на него. Въ такомъ случаѣ полезно умышленно пустить въ ходъ такое толкованіе явленія, которое было бы въ состояніи поднять духъ войскъ.

Рабскій страхъ.

Этотъ страхъ точно также можетъ дурно повліять на войска въ извѣстныхъ случаяхъ. Онъ можетъ имѣть мѣсто въ войскахъ, комплектованныхъ среди населенія, которое долгое время находилось въ безправномъ рабствѣ у жестокихъ завоевателей. Жестокости подобныхъ завоевателей и неограниченныхъ хозяевъ жизни и имущества рабской массы мало по малу вкореняють въ нее рабскій страхъ, посредствомъ котораго завоеватели и держатъ ее въ покорности, пока она подвластна имъ; этотъ же страхъ можетъ охватить массу, если она свободна, и, имѣя свою вооруженную силу, вступить въ бой со своими прежними завоевателями. Только съ теченіемъ времени, послѣ смѣны нѣсколькихъ поколѣній, могутъ исчезнуть слѣды этого рабскаго страха.

Страхъ, охватывающій человека при мысли о близкой смерти.

Условія боевой жизни дѣлають возможность, быть убитымъ настолько вѣроятной, что для солдата появленіе страха, связаннаго

съ мыслью о томъ, что ему предстоитъ умереть, становится неизбежнымъ. Какъ извѣстно, въ страхѣ смерти имѣется два элемента: одинъ изъ нихъ—мысль о потерѣ удовольствій, благъ и интересовъ, которые привязываютъ насъ къ жизни, а другой—неизвѣстность того, что произойдетъ съ нами послѣ смерти. *Первый изъ этихъ элементовъ* испытывается сильнѣе всего въ возмужаломъ возрастѣ. Противовѣсомъ ему до извѣстной степени служитъ сама организація вооруженныхъ силъ, согласно которой войска дѣлятся на дѣйствующія, резервныя и ополченіе. Изъ этихъ трехъ категорій войскъ, въ резервныя войска и въ ополченіе входитъ болѣе возрастной слой мужского населенія, всѣ женатые и обремененные многочисленными семьями. Достигшій ихъ возраста человѣкъ обыкновенно уже устроилъ свою жизнь болѣе или менѣе удобно, связалъ себя съ важными интересами, накопилъ нѣкоторое количество матеріальныхъ благъ, слѣдовательно, для него жизнь становится милѣе, связь съ нею сильнѣе ощущается имъ, и его будутъ сильно угнетать мысли о томъ, что придется расстаться съ благами, пріобрѣтенными многолѣтнимъ трудомъ, что придется закрыть глаза, не увидавъ жены и дѣтей, жизнь которыхъ во всемъ зависитъ отъ него. Смѣло можно сказать, что этотъ элементъ бываетъ слабѣе у солдатъ дѣйствующей арміи (здѣсь незначѣмъ обращать вниманіе на исключенія), потому что, хотя и у нихъ есть многое, что связываетъ ихъ съ жизнью, но все это значительно слабѣе; всѣ эти связи легче порвать; онѣ не въ силахъ помѣшать буйному и пламенному юношѣ устремиться безъ оглядки впередъ и быть подхваченнымъ вихремъ войны.

Второй элементъ можетъ одинаково дѣйствовать на всѣхъ солдатъ независимо отъ ихъ возраста. Противовѣсомъ ему можетъ служить воздѣйствіе на религіозныя вѣрованія и чувства солдата. Какъ первобытныя, такъ и современныя религіи содержатъ въ себѣ оружіе противъ этого элемента страха смерти. Когда возбуждаются религіозныя вѣрованія и чувства солдата, когда ему напоминаютъ о томъ, что небесное царство является наградой погибшему въ бою, онъ можетъ примириться со смертью и спокойнѣе встрѣтить ее. Даже нѣчто большее: экзальтированный религіознымъ фанатизмомъ солдатъ становится способнымъ проявлять необыкновенное безстрашіе и презрѣніе къ смерти. Вѣра въ *предопредѣленіе* (фатализмъ) составляетъ самое сильное оружіе противъ страха смерти.

Согласно этому религіозному вѣрованію, какъ жизнь, такъ и

смерть не зависятъ отъ поступковъ человѣка: идетъ ли солдатъ впередъ или бѣжитъ назадъ, смерть постигнетъ его въ тотъ день и часть, который предопредѣленъ судьбою. Эта вѣра въ предопредѣленіе придаетъ ему спокойствіе и даетъ ему возможность не бояться смерти, такъ какъ онъ увѣренъ, что, «если это не суждено», онъ не умретъ. Магометанство содержитъ ученіе о вполнѣ предопредѣленной судьбѣ; христіанство вовсе не содержитъ такого ученія, но и оно считаетъ, что безъ воли Господа Бога ни одинъ волосъ не падетъ съ головы человѣка. Поэтому и христіанство даетъ возможность подавлять страхъ, дѣйствуя то на религіозное чувство солдата, то на его вѣру въ полную нашу зависимость отъ воли Божіей.

Паника.

Такое проявленіе страха есть слѣдствіе *зараженія* имъ массъ, толпы. Паника можетъ возникать, если опасность велика и близка. Но такъ какъ возбужденное страхомъ воображеніе всегда рисуетъ себѣ опасность большую, чѣмъ на самомъ дѣлѣ, то панической страхъ можетъ быть вызванъ и воображаемыми, даже ничтожными и смѣшными причинами. Главное условіе возникновенія паники—это близость опасности. Отсюда понятно, насколько можно быть увѣреннымъ, что *внезапное* появленіе передъ непріателемъ навѣрное вызоветъ панической страхъ. Для того, чтобы предохранить солдата отъ этого страха, который вызывается посредствомъ простого распространенія заразы, можно еще въ мирное время сдѣлать кое-что, развивая у солдата *хладнокровіе* и *присутствіе духа*. Эти два родственныхъ проявленія мужества позволяютъ солдату смѣло посмотреть въ ту сторону, откуда идетъ опасность, оцѣнить ее, не поддаваясь вліянію испуганныхъ товарищей и такимъ образомъ устоять или даже выступить впередъ навстрѣчу опасности. Охраняющія части войскъ болѣе всего подвержены неожиданностямъ со стороны непріятеля; поэтому, во время подготовки войскъ по этому отдѣлу полевой службы, необходимо развивать въ нихъ хладнокровіе и быстроту соображенія. При этомъ, въ *военное время* всегда надо принимать *мѣры предосторожности противъ внезапностей* со стороны противника, какого бы характера ни были эти мѣры; къ нимъ относится охраненіе авангардами, дежурными частями и сторожевыми цѣпями. Если *отступление* съ позиціи совершено *въ полномъ порядкѣ*, отступающія

войска предохранены до известной степени от взрыва панического страха; но разъ уже допущенъ малѣйшій безпорядокъ, то онъ, *подъ напоромъ* преслѣдующаго противника, непременно перейдетъ въ полный безпорядокъ. Въ такія минуты шаги и аллюры безсознательно увеличиваются до тѣхъ поръ пока, наконецъ, не перейдутъ въ чистое и простое бѣгство; смѣшеніе солдатъ разныхъ ротъ и *потеря органической* связи между солдатами и ихъ начальниками еще больше увеличиваютъ смѣшеніе, неразбериху и безпорядокъ; еще одинъ мигъ и все обращается въ толпу, въ которой каждый, охваченный паническимъ страхомъ, ищетъ спасенія въ бѣгствѣ. Поэтому, при отступленіи, все искусство начальниковъ должно быть направлено на то, чтобы не допустить паники среди своихъ подчиненныхъ; для этого они должны *удерживать ихъ въ своихъ рукахъ; быстро возстановливать нарушенный идъ нибудь порядокъ; не допускать движенія бѣгомъ или ускореннымъ шагомъ въ пѣхоту, а въ конницу и артилерію—аллюрами быстрой рыси; останавливаться и переходить въ контръ атаки. Разъ появилась паника, начальники должны немедленно наказывать, даже смертью, первыхъ отдѣльныхъ солдатъ, которые позорно бѣгутъ и увлекаютъ за собою другихъ; они должны дѣйствовать на умъ и сердце солдатъ, напоминая имъ о присягѣ и о томъ безчестіи, которое они навлекаютъ на себя; высшіе начальники должны показываться войскамъ; бѣгущихъ слѣдуетъ встрѣчать неразстроенными частями войскъ и останавливать ихъ, открывая по нимъ огонь и пр.*

Когда идетъ рѣчь о паникѣ, надо сказать, что она распространяется особенно сильно среди военныхъ массъ, принадлежащихъ къ народамъ съ пламеннымъ воображеніемъ и горячимъ темпераментомъ (таковы обыкновенно всѣ южные народы). Такія военныя массы настолько же быстро охватываются отчаяніемъ, какъ и пламеннымъ увлеченіемъ; насколько побѣда воодушевляетъ ихъ и поднимаетъ ихъ духъ, настолько же и пораженіе пугаетъ ихъ, подавляетъ, терроризируетъ и вызываетъ среди нихъ панику.

До сихъ поръ указывалось на средства отрицательной культуры страха въ своихъ войскахъ; но имѣются нѣкоторыя соображенія, которыя говорятъ и въ пользу *положительной культуры* страха въ средѣ своихъ войскъ. Известно, что воспитатель солдата стремится внушить ему воинскую дисциплину, объясняя ему сперва его обязанности, а затѣмъ требуя отъ него ихъ постоянного исполненія на дѣлѣ. Такому дисциплинированію легко поддаются сол-

даты, которые привыкли прислушиваться къ голосу совѣсти; но оно трудно достижимо среди солдатъ со злою волей. Именно въ такихъ случаяхъ, когда, несмотря на всѣ объясненія и воздѣйствія на совѣсть солдата, его злая воля все же не можетъ быть подавлена, надо прибѣгать къ наказаніямъ. А посредствомъ наказанія, какого бы оно характера ни было, *солдату внушается страхъ.*

Внушеніе страха непріятелю.

Такъ какъ *побѣда является всегда результатомъ моральнаго превосходства одной изъ воюющихъ сторонъ (надъ другой) въ концѣ сраженія*, то все искусство веденія боя должно сводиться именно къ тому, чтобы *поколебать и разрушить моральныя силы противника во время сраженія и до него.* Самое вѣрное средство для достиженія этого есть *страхъ.* И дѣйствительно, всѣ тѣ, которые сдаются непріятелю, отступаютъ или бѣгутъ передъ нимъ, дѣлаютъ это вслѣдствіе страха. Поэтому слѣдуетъ пользоваться *всѣми возможными средствами* для того, чтобы *вызвать у противника чувство страха.*

Духъ противника можно поколебать, грозя ему *смертью и уничтоженіемъ*, которыя каждая армія готовитъ своему противнику. Вызванный этимъ страхъ дѣйствуетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ *вѣрнѣе, дѣйствительнѣе и очевиднѣе смерть и уничтоженіе.* Средства, внушающія противнику страхъ тѣмъ, что они ставятъ его лицомъ къ лицу со смертью и уничтоженіемъ, слѣдующія: *наступленіе, дѣйствительный огонь въ бою, внезапность, страшныя звуковыя и зрительныя впечатлѣнія.*

Внушеніе страха посредствомъ наступленія и дѣйствительнаго огня.

Наступленіе служитъ признакомъ силы той стороны, которая наступаетъ; поэтому оно внушаетъ страхъ другой сторонѣ; слѣдовательно, внушеніе страха, подкапываніе подъ нравственныя силы одной стороны начинается съ наступленіемъ другой. Вотъ почему великіе полководцы вели только наступательныя войны ⁴⁾.

---

⁴⁾ Суворовъ такъ выражалъ преимущества наступательнаго веденія войны: «Кто рѣшителенъ и идетъ смѣло на встрѣчу врагу, тотъ уже одержалъ половину побѣды».

Но болѣе всего внушаетъ противнику страхъ *дѣйствительный огонь* во время боя, такъ какъ угроза смертью не является здѣсь отвлеченной идеей, а наглядно представляется въ лицѣ убитыхъ и раненыхъ, видъ которыхъ говоритъ остальнымъ, что ихъ ждетъ та же участь. Когда обѣ стороны еще далеко другъ отъ друга и поражаются только *отметъ*, смерть уже становится вѣроятной и страхъ уже зарождается. Чѣмъ болѣе стороны сближаются и чѣмъ болѣе усиливается огонь, тѣмъ смерть становится вѣроятнѣе и тѣмъ большіе размѣры принимаетъ страхъ. Для того, чтобы сильно напугать противника, необходимо, чтобы огонь былъ не только дѣйствителенъ, т. е. не только поражалъ противника, *но и выводилъ изъ строя въ кратчайшій срокъ наибольшее число людей*; въ такомъ случаѣ можно внушить противнику такой сильный страхъ, что, разстроенный морально, онъ рѣшится отступить передъ моментомъ рѣшительнаго столкновенія. Процентъ выбывшихъ изъ строя убитыхъ и раненыхъ, при которомъ войсковая часть приходитъ въ разстройство и переходитъ въ отступление и бѣгство, различенъ для разныхъ войскъ и для разныхъ народовъ. Военно-историческіе примѣры показываютъ, что въ большинствѣ случаевъ атака прекращается, когда 25% наступающихъ выйдетъ изъ строя, потому что тогда большая часть офицеровъ также выходитъ изъ строя, и хотя нижніе чины еще остаются, но они уже разстроены и неспособны воевать за неимѣніемъ вождей. Но можно вообще сказать, что въ тѣхъ войсковыхъ частяхъ и у тѣхъ народовъ, у которыхъ и воинственный духъ и моральная сила велики, процентъ вышедшихъ изъ строя людей, необходимый для вызова испуга, долженъ быть больше; чѣмъ болѣе высокій процентъ потерь способна выдержать армія, сохраняя непоколебимость духа и способность исполнять свою задачу, тѣмъ болѣе высокой оцѣнки она заслуживаетъ.

Но, если сила огня съ большаго или меньшаго разстоянія не приведетъ къ отступленію одной изъ сторонъ, становится необходимымъ дойти непосредственно до врага; въ такомъ случаѣ ударъ штыка или ножа направляется прямо въ грудь противника, и, слѣдовательно, смерть дѣлается неминуемой.

Еще болшій страхъ можно внушить противнику, если онъ убѣдится по бывшимъ уже сраженіямъ, что угроза смерти приводится въ исполненіе *въ страшныхъ размѣрахъ*. Вотъ почему *истребленіе непріятели должно продолжаться и послѣ его отступленія* по отношенію ко всѣмъ тѣмъ, которые не желаютъ добровольно подчиниться побѣдителю. Исторія описываетъ слу-

чаи, въ которыхъ истребленіе непріятельскихъ войскъ было немилосердно и жестоко; но каково бы оно ни было, имъ всегда преслѣдовалась одна и та же цѣль: внушить непріятелю страхъ и посредствомъ него обезпечить за собою побѣду при слѣдующемъ сопротивленіи противника ⁴⁾.

Испугъ можетъ подѣйствовать на войска или *прямо* или черезъ *посредство ихъ начальниковъ*. Когда страхъ охватываетъ непосредственно самую *массу*, то она, нравственно разбитая, начинаетъ отступленіе или бѣгство и въ общей паникѣ увлекаетъ за собой и начальниковъ; когда же страхъ охватилъ *начальника*, онъ *приказываетъ отступить и такимъ образомъ самъ служитъ проводникомъ распространенія страха и на массу*. Изъ двухъ начальниковъ, сражающихся другъ противъ друга, скорѣе уступитъ тотъ, у котораго воля слабѣе, который менѣе настойчивъ ⁵⁾.

Внушеніе страха посредствомъ внезапности.

Внезапность сильно возбуждаетъ воображеніе и заставляетъ его рисовать себѣ опасность болѣе серьезной и близкой. Неожиданность *не даетъ времени обдумать положеніе*; застигнутый врасплохъ не можетъ освободиться отъ перваго впечатлѣнія и охватывается паническимъ страхомъ ⁶⁾.

⁴⁾ *Кромвель*, во время покоренія Ирландіи, послѣ штурма г. Тредала, приказалъ перебить всѣхъ его жителей. И онъ самъ подалъ этому примѣръ. Историкъ говоритъ: «Впечатлѣніе, произведенное этой жестокостью, было правильно разсчитано Кромвелемъ: осѣдніе города Тримъ и Дундалкъ пали безъ сопротивленія; гарнизонъ Трима убѣжалъ такъ поспѣшно, что просто бросилъ свою артилерію. Варварство это увеличило ужасъ и значительно ускорило покореніе Ирландіи».

⁵⁾ Сраженіе при Требінъ является образцомъ сраженія между двумя военачальниками. Тамъ не русскія войска своею храбростью побѣдили превосходныя французскія войска, а *Суворовъ побѣдилъ Макдональда*. И дѣйствительно, Розенбергъ доложилъ Суворову, что невозможно долше держаться, что войска изнемогли и остались безъ патроновъ, поэтому надо отступить. «Попробуйте сдвинуть этотъ камень, отвѣтилъ ему Суворовъ, не можете?... Ну, такъ и русскіе не могутъ отступать!...» Во время того-же сраженія къ Суворову подъѣзжаетъ офицеръ, посланный австрійскимъ ген. Меласомъ, и спрашиваетъ: «куда отступить?» «Въ Пиаченцу», отвѣтилъ ему Суворовъ. Пиаченца лежала въ тылу французскихъ войскъ, атаковавшихъ войска Меласа. Къ вечеру бой закончился, обѣ стороны остались опять раздѣленными русломъ р. Требінъ. *Но въ то время, когда Суворовъ отдавалъ приказъ о наступленіи, Макдональдъ приказалъ отступить*.

⁶⁾ Маршалъ Саксонскій приводитъ въ своихъ «Reveries» слѣдующій примѣръ изъ сраженія при Фиддингенѣ (1705). Когда побѣдоносная французская армія преслѣдовала разбитаго противника, на ея флангъ *неожиданно* появились два свои эскадрона, которые по ошибкѣ были приняты за непріятельскіе; этого было достаточно, чтобы *побѣдоносная французская армія обратилась въ бѣгство*. Въ данномъ случаѣ внезапность, мнимая опасность, подѣйствовала чрезвычайно разрушительно и вызвала панику у побѣдителей.

Внезапность можетъ имѣть *различныя формы*: неожиданное *появленіе* передъ непріателемъ; переходъ черезъ непроходимыя болота и горы; неожиданное *предупрежденіе противника*, разрушающее *всю его расчеты*; неожиданная *перемѣна цѣли, сферы и способа дѣйствій*; вообще *каждое дѣйствіе, котораго противникъ не ожидаетъ или которое не можетъ отразить изъ за неготовности, является для него внезапностью*. «Дѣлайте какъ разъ противное тому, чего непріатель ждетъ отъ васъ или что онъ знаетъ о васъ», говорилъ извѣстный полководецъ Валленштейнъ. Но въ какой бы формѣ ни рассчитывалъ начальникъ воспользоваться эффектомъ внезапности, послѣдняя въ *быстротѣ, скрытности и энергіи*, безъ которыхъ предпринятая дѣйствія потеряютъ характеръ внезапности, а слѣдовательно не произведутъ желаемаго впечатлѣнія на противника. Чѣмъ легче для противника справиться съ задуманной противъ него внезапностью, тѣмъ *быстрѣе, энергичнѣе и болѣе скрытно* надо дѣйствовать неожиданно, сознавая, что внезапность есть *наиболѣе вѣрное средство подготовки успѣха*.

Засады, неожиданное появленіе на флангъ или въ тылу противника дѣйствуютъ, какъ внезапность, и могутъ привести къ отступленію и бѣгству. Стремительная *контръ-атака* дѣйствуетъ точно такъ же, какъ внезапность, потому что въ рѣшительную минуту вызываетъ переворотъ въ душевномъ настроеніи атакующаго и можетъ обратить его въ бѣгство какъ разъ въ тотъ моментъ, когда онъ былъ готовъ одержать окончательную побѣду. Если же обстановка позволяетъ перейти отъ контръ-атаки въ общее наступленіе, то исходъ боя можетъ получиться совершенно неожиданный. Всякое *неожиданное препятствіе*, которое атакующія войска встрѣтятъ на своемъ пути, дѣйствуетъ точно такъ же, какъ внезапность: оно приводитъ ихъ въ разстройство и можетъ довести до отчаянія, а, если не удастся преодолѣть его, оно можетъ произвести въ душевномъ настроеніи наступающаго переломъ, которымъ способный противникъ не преминетъ воспользоваться.

Внезапность можетъ оказать свое дѣйствіе и на закаленныхъ въ бояхъ войска, но гибельнѣе всего она дѣйствуетъ на войска и на начальниковъ впечатлительныхъ, не знающихъ своего дѣла, не привыкшихъ къ опасностямъ, не приученныхъ къ хладнокровію и къ упорству.

Внушение страха посредством звуковых и зрительных впечатлений.

Наконецъ, непріятелю можно внушить страхъ еще посредствомъ *страшныхъ и грозныхъ звуковъ и зрительныхъ впечатлений*. Въ древнее время, передъ атакою, наступающіе поднимали грозный и страшный крикъ, ударяли по своимъ щитамъ и производили шумъ изо всѣхъ силъ. И въ настоящее время атакующій въ послѣдній моментъ штурма бросается на обороняющагося съ воинственнымъ крикомъ и барабаннымъ боемъ. Артилерійская канонада, особенно при массивованномъ расположеніи батарей; разрывъ шрапнелей, а въ особенности залпы; методическое бомбардированіе крѣпости съ возрастающей силой и разрывы огромныхъ снарядовъ: все это оказываетъ потрясающее дѣйствіе на духъ непріятеля, внушая ему страхъ и ужасъ. Въ средніе вѣка рыцари носили снаряженіе темнаго цвѣта, со страшными украшеніями (головой змѣи или льва, черепами и пр.). Иногда одеждѣ и головному убору придавали фантастическіе размѣры и формы для того, чтобы сражающіеся казались въ глазахъ противника выше и страшнѣе (лошадиные хвосты на шлемахъ, высокіе кивера, огромныя папахы и пр.).

Культивированіе религіозныхъ вѣрованій и чувствъ.

Религіозныя вѣрованія и чувства всегда служили источникомъ нравственной мощи солдата; *они вызываютъ въ немъ храбрость и презрѣніе къ смерти*; поэтому ихъ высокое развитіе составляетъ противовѣсъ страху.

Что дѣйствительно религіозныя чувства и вѣрованія вызываютъ храбрость, видно изъ разсмотрѣнія ихъ сущности, а также и изъ историческихъ фактовъ. Такъ напр., согласно религіознымъ вѣрованіямъ нормандскихъ и др. германскихъ племенъ, въ рай-Валгаллу попадали только души *храбрыхъ*, погибшихъ въ бою. Поэтому смерть въ бою почиталась самымъ большимъ счастіемъ, ее искали, какъ награды, и блѣднѣли передъ мыслью о томъ, что могутъ умереть не на полѣ брани. Аммианъ Марцелинъ, историкъ IV столѣтія, говоритъ, что у алановъ считался счастливымъ тотъ, кто умиралъ *на полѣ сраженія*, а старики преслѣдовались жестокими оскорбленіями, какъ трусы и презрѣнные люди; самой большой похвалой для cadaго считалось, если о немъ скажутъ,

что онъ убить въ бою. Индѣйцы Сѣверной Америки представляютъ себѣ рай въ видѣ равнины, гдѣ только души *храбрецовъ* вѣчно наслаждаются охотою. Согласно запискамъ Цезаря, вѣра въ загробную жизнь (эта вѣра существовала у многихъ старыхъ европейскихкихъ и азіатскихъ народовъ) при своемъ появленіи имѣла цѣлью внушить презрѣніе къ смерти и сдѣлать человѣка храбрымъ. Магометанство изобразаетъ загробную жизнь для всѣхъ *«правовѣрныхъ»*, павшихъ на *полѣ брани* съ мечомъ въ рукахъ, въ самыхъ привлекательныхъ и соблазнительныхъ картинахъ. Кромѣ этихъ соблазновъ, заставляющихъ каждого воина-магометанина взвѣситься въ бою, загораться фанатизмомъ и неустрашимо идти на встрѣчу смерти, исламъ проповѣдуетъ еще *фатализмъ*, вѣру въ предопредѣленіе; эта вѣра въ бою *успокаиваетъ* магометанина, увѣряя его, что, какъ бы онъ ни бросался на непріятеля, онъ не встрѣтитъ смерти, *если ему не суждено умереть*. Христіанская религія точно также даетъ представленіе о вѣчной и блаженной загробной жизни для тѣхъ, кто дѣлаетъ добрыя дѣла и кто *«надеетъ за своиъ»*. Въ жизни народовъ религія всегда играла большую роль. Опасность со стороны *магометанъ* заставила христіанскую Европу опомниться и объединиться для борьбы противъ общаго врага христіанства; такъ начались великіе крестonosные походы. Испаніи пришлось вести продолжительныя и отчаянныя войны противъ арабовъ, Россіи—противъ татаръ и турокъ; эти войны велись не только за національную независимость, но и за вѣру. Въ борьбѣ противъ Польши и Литвы (католическихъ странъ) Россія взяла верхъ не только своимъ народнымъ единопдушіемъ, но и преданностью русскихъ *православной вѣрѣ*. Войны чеховъ (послѣ Гуса) и войны голландцевъ—войны за независимость и за вѣру; онѣ имѣли характеръ священныхъ войнъ и погибшіе въ нихъ признавались мучениками и святыми. И въ болгарской церкви поминаются вѣчной памятью имена первыхъ борцовъ противъ турокъ; а народная пѣсня воспѣла царя Ивана Штимана, собиравшаго войска на Софійскомъ полѣ, чтобы биться «за Христову вѣру». Мысль о томъ, что надо умереть за вѣру не только никогда не пугала вѣрующихъ, но даже радовала ихъ.

И такъ, съ одной стороны, *религія благословляла самопожертвованіе солдата для защиты отечества*, а съ другой—*примирала его со смертью*, обѣщая ему рай, царство небесное, и успокаивала его передъ смертью то вѣрою въ предопредѣленіе, то

ученіемъ о томъ, что самъ Богъ благословляетъ и хранитъ его, то надеждой, что геройской смертью онъ можетъ искупить свои земныя прегрѣшенія.

Полководцы, которые понимали, насколько велика сила религіознаго чувства, старались поддерживать и усиливать его для того, чтобы имѣть возможность воспользоваться имъ во время боя, противопоставляя его страху. Развитие религіознаго чувства не только давало возможность находить въ немъ опору противъ страха, но посредствомъ него усиливалась также внутренняя связь какъ между солдатами, такъ между ихъ начальниками; солдаты шли на войну съ убѣжденіемъ, что сражаются не за своихъ начальниковъ, а вмѣстѣ съ ними за имя Божіе.

Константинъ Великій поставилъ на свои знамена изображеніе креста; этотъ внѣшній знакъ христіанства произвелъ такое сильное религіозное воодушевленіе у его солдатъ христіанъ, что доставилъ ему побѣду (симвъ побѣдиши). *Густавъ-Адольфъ* также внимательно слѣдилъ за религіозной нравственностью своихъ солдатъ, какъ и за ихъ храбростью. Такъ, во время утренней и вечерней молитвы, каждый полкъ былъ обязанъ окружить своего священника и молиться Богу подъ открытымъ небомъ. И самъ онъ служилъ въ этомъ примѣромъ. Для поднятія религіознаго чувства утромъ въ день боя подъ Люценомъ онъ молился передъ всѣмъ фронтомъ, стоя на колѣняхъ; вся армія, упавъ на колѣни, въ это время пѣла подъ звуки оркестровъ трогательные гимны. «*Съ нами Богъ*» было въ этотъ день боевымъ возгласомъ шведовъ.

Еще строже соблюдались религіозные обряды въ войскахъ *Кромвеля*, которыя также были воодушевлены религіознымъ чувствомъ. Въ свободное отъ обученія время совершались религіозные обряды. Офицеры исполняли должности священниковъ. Многіе изъ солдатъ приходили въ религіозный экстазъ и шли въ бой, распѣвая псалмы и священные гимны. Для нихъ смерть въ бою была мученической смертью за вѣру. Воодушевленіе было такъ велико, что въ войскахъ *Кромвеля* не было случаевъ бѣгства.

Суворовъ, зная истинное благочестіе русскаго солдата и *будучи самъ глубоко вѣрующимъ человекомъ*, всевозможными средствами поддерживалъ религіозное настроеніе солдатъ. Въ его поученіяхъ къ солдату говорится, что солдатъ «долженъ быть благочестивъ», «отъ Бога побѣда», «Богъ насъ ведетъ, Онъ нашъ генералъ». Кромѣ того, онъ заставлялъ своихъ солдатъ смотрѣть прямо въ глаза смерти, успокаивая ихъ надеждой на награду въ загробной жизни, такъ

какъ они умирають «за Божій домъ», а «церковь молитъ Бога за убитыхъ на войнѣ». Въ 1793 году, когда Суворовъ былъ посланъ въ Италію противъ французовъ, онъ обращается къ своимъ войскамъ со слѣдующими словами: «побьемъ французовъ-безбожниковъ! Въ Парижѣ возстановимъ попрежнему вѣру въ Бога Милостиваго! Очистимъ беззаконіе»!...

Князь *Кутузовъ* точно также пользовался религіозностью русскаго солдата въ нужныя минуты во время войны 1812 г. Извѣстно, что, при отступленіи отъ Смоленска, дальновидный князь Кутузовъ приказалъ взять изъ города чудотворную икону Святой Богородицы и носить ее вмѣстѣ съ отступающими войсками; наканунѣ Бородинскаго боя князь приказалъ обнести войска иконою. Духовная процессія переходила съ мѣста на мѣсто и совершала молебенъ; при этомъ тысячи солдатъ падали на колѣни, крестились и усердно молились. Самъ главнокомандующій со всѣмъ своимъ штабомъ пошелъ на встрѣчу иконѣ и поклонился земнымъ поклономъ.

Въ послѣднее время президентъ Трансваальской республики Крюгеръ во время войны съ англичанами самъ говорилъ церковныя проповѣди.

Для поддержанія религіознаго чувства солдата, прежде всего, надо слѣдить за тѣмъ, чтобы никто не оскорблялъ его вѣру въ Бога и не подкапывался подъ нее ни словами, ни дѣйствіями. Умъ простаго солдата легче можетъ постигнуть отвлеченные принципы нравственности, когда эти принципы облечены въ религіозныя догмы. Надо строго и послѣдовательно соблюдать религіозныя обряды. Эти обряды, хотя и являются внѣшнимъ и условнымъ проявленіемъ религіозныхъ убѣжденій, служатъ не только для сохраненія религіознаго чувства, но еще и для возбужденія его и для сообщенія ему опредѣленнаго направленія.

Надо, чтобы сами начальники уважали религію и своимъ отношеніемъ къ ней подавали примѣръ подчиненнымъ. Для воздѣйствія на религіозное чувство солдата нужно, чтобы начальникъ почаще, пользуясь всякимъ удобнымъ случаемъ, останавливалъ ихъ вниманіе на мысли о Богѣ, приучалъ ихъ объяснять Божіей помощью свои успѣхи и побѣды и вообще во всѣхъ событіяхъ видѣть Божію волю. На нѣкоторыхъ русскихъ памятникахъ и орденахъ стоитъ изреченіе: «Не намъ, не намъ, а имени Твоему». Полезно, чтобы каждый полкъ имѣлъ своего полковаго священника, а если возможно и свою полковую церковь, въ которую аккуратно водились бы всѣ нижніе чины. Полезно имѣть и церковный хоръ

изъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ. Каждому походу и всякому важному начинанію долженъ предшествовать молебенъ и всегда слѣдуетъ благодарить Бога за достигнутые большіе и важные успѣхи и побѣды. Передъ началомъ ежедневныхъ занятій нижніе чины должны помолиться Богу и т. д. *Такъ какъ религіозное чувство тѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ на душу, чѣмъ ближе человѣкъ къ смерти, то и возбужденіе этого чувства до наивысшей степени должно быть достигаемо передъ сраженіемъ.* Поэтому передъ отправленіемъ части въ бой, появленіе священника съ крестомъ въ рукахъ, можетъ принести большую и неоцѣнимую пользу: его благословеніе, его увѣренная рѣчь, его слова: «Съ нами Богъ» и крестъ могутъ имѣть чудесную силу и могутъ обаятельно дѣйствовать на духъ массы; они могутъ воодушевить ее и дать имъ силу совершить великіе подвиги; они могутъ въ критическую минуту даже оживить упавшихъ духомъ и привести бой къ благопріятному исходу.

Воспитаніе честолюбія и славолюбія.

Честолюбіе и славолюбіе всегда были свойственны человѣку и навсегда останутся однимъ изъ сильнѣйшихъ рычаговъ, которые двигаютъ умъ солдата, заставляя послѣдняго совершать чрезвычайныя, великія дѣла и военные подвиги. Направленная къ высокимъ цѣлямъ дѣятельность человѣка изсякла бы, если бы не имѣла этихъ безпокойныхъ спутниковъ; они разжигаютъ несокрушимый духъ человѣка, держатъ въ постоянномъ напряженіи его волю и толкаютъ его къ подвигамъ и великимъ дѣламъ. Страхъ смерти не смѣетъ подступиться къ тѣмъ, которые горятъ пламенемъ честолюбія и славолюбія. Культивируя у солдата эти два чувства, можно создать противовѣсъ чувству страха.

Честолюбіе.

Какъ извѣстно, *честолюбіе* есть *присущее* человѣку стремленіе заставить другихъ людей признать наши достоинства. Честолюбіе играетъ большую роль на войнѣ, гдѣ каждый рассчитываетъ, что его подвигъ будетъ замѣченъ и о немъ будутъ говорить его соотечественники въ его деревнѣ, въ его городѣ и даже далеко за предѣлами ихъ. Развитое въ такомъ направленіи честолюбіе полезно

для военнаго дѣла. Но честолюбіе, которое проистекаетъ изъ грубаго эгоизма и проявляется въ дѣлахъ вредныхъ для службы и для общаго дѣла, слѣдуетъ всячески ограничивать и даже преслѣдовать.

Развитію полезнаго для военнаго дѣла честолюбія способствуютъ: *сознаніе превосходства надъ противникомъ и похвалы, ордена и блескъ*, которыми окружаютъ отличившихся въ какомъ нибудь подвигѣ. Значеніе всѣхъ этихъ средствъ заключается въ томъ, что они поддерживаютъ воспоминаніе о совершенномъ подвигѣ, не даютъ исчезнуть произведенному имъ впечатлѣнію и, привлекая къ совершившимъ его вниманіе и почетъ, служатъ для удовлетворенія ихъ честолюбія.

Сознаніе превосходства надъ противникомъ зиждется прочнѣе всего на боевыхъ успѣхахъ. Когда эти успѣхи касаются прошлаго, такое сознаніе превосходства передается въ арміи по традиціи отъ одного поколѣнія къ другому, какъ бы по наслѣдству; но, если прошлое не даетъ основанія думать о превосходствѣ надъ противникомъ, то оно можетъ быть создано только на полѣ сраженія рядомъ побѣдъ. Сознаніе собственнаго превосходства, созданное исторіей или современными событіями, сопровождается самоувѣренностью и честолюбіемъ. Въ мирное время средствомъ для развитія у солдата сознанія собственнаго превосходства надъ противникомъ служатъ боевыя преданія о прошлыхъ побѣдоносныхъ войнахъ; живость этихъ преданій находитъ себѣ наглядное выраженіе въ торжественномъ справленіи боевыхъ праздниковъ и въ разсказахъ о славныхъ побѣдахъ прошлыхъ войнъ. Разъ такое сознаніе установлено въ какой бы то ни было степени, у солдата само собою является особенное, продиктованное честолюбіемъ, поведеніе по отношенію къ непріятелю, надъ которымъ онъ чувствуетъ свое превосходство. Страхъ передъ позоромъ быть побѣжденнымъ тѣмъ, кого раньше онъ побѣждалъ, заставляетъ его отлично сражаться. Но въ своемъ стараніи внушить нижнимъ чинамъ сознаніе превосходства надъ противникомъ, офицеръ долженъ остерегаться, чтобы самому не дойти до *излишней самонадѣянности, до неуваженія и презрѣнія къ боевымъ достоинствамъ противника*. Онъ долженъ помнить, что, если посредствомъ хорошей подготовки солдата не создано *дѣйствительное* превосходство надъ противникомъ въ обученіи, въ нравственномъ развитіи, въ численности, въ организаціи и въ вооруженіи, то *воображаемое* превосходство не поможетъ ему на войнѣ.

Похвалы. Когда обыкновенный начальник хвалит отдѣльных нижних чиновъ при казарменной жизни, онъ долженъ слѣдить за собою, чтобы какъ нибудь не вызвать зависти между своими подчиненными. Иногда можно похвалить слегка даже и такихъ солдатъ, которые не вполне этого заслуживаютъ, съ цѣлью возбудить въ нихъ хоть нѣкоторое честолюбіе; а иногда съ той же цѣлью можно умышленно *осыпать похвалами солдата, который ничѣмъ еще себя не заявилъ.* Такъ, если солдатъ услышитъ, что его называютъ *молодцомъ, соколомъ, орломъ, львомъ,* у него можетъ появиться вѣра, что онъ дѣйствительно храбръ, и стремленіе оправдать въ бою такое лестное о немъ мнѣніе. Очевидно, хорошіе, а въ особенности чрезвычайные, поступки и подвиги какъ въ мирное, такъ и въ военное время, даютъ совершителямъ ихъ полное право на похвалы и награды. Припоминая и восхваляя прошлыхъ славныхъ дѣла, совершенныя отдѣльными героями и всею частью, можно быстро развить честолюбіе своихъ солдатъ.

Ордена (медали). Цѣль ордена (медали) напоминать каждому, кто его увидитъ, необыкновенный подвигъ, совершенный награжденнымъ. Если орденъ не напоминаетъ никакой заслуги или никакого подвига того, кто носить его, онъ теряетъ свое значеніе, не вызываетъ достойнаго честолюбія и сводится къ простому украшенію груди. Поэтому *ордена надо давать за дѣйствительныя заслуги и за дѣла, достойныя подражанія* и заслуживающія постояннаго напоминанія о нихъ.

Блестящія встрѣчи и триумфы, устраиваемые побѣдоноснымъ войскамъ, также служатъ наградою и поощреніемъ честолюбія полководцевъ и ихъ войскъ. Торжественность обстановки, при которой награждается или восхваляется подвигъ солдата или воинская добродѣтель, удовлетворяетъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, усиливаетъ честолюбіе награжденныхъ и будитъ честолюбіе у всѣхъ другихъ.

Славолюбіе.

Славолюбіе гораздо глубже и возвышеннѣе честолюбія, потому что оно не довольствуется извѣстностью въ тѣсномъ кругу, а стремится къ увѣковѣченію имени при жизни и послѣ смерти, къ тому, чтобы оно передавалось отъ поколѣнія къ поколѣнію. Жажда славы придаетъ человѣку то *неизсякаемое постоянство* и ту *храбрость*, которыя неизмѣнно сопровождаютъ до гроба славолюби-

ваго человѣка и передаютъ его имя и его дѣла будущему. Вотъ почему славолубіе должно быть любимѣйшимъ спутникомъ военныхъ людей, отъ рядового до генерала; оно вдохновляетъ ихъ къ высокому героизму и поддерживаетъ ихъ твердость и непоколебимость среди лишеній и страданій войны.

Развитіе жажды славы у солдата слѣдуетъ направлять такъ, чтобы вдохнуть ему любовь не столько къ *личной славы*, которая труднѣе можетъ быть достигнута нижними чинами вслѣдствіе ихъ положенія, сколько къ *общей славы*—къ славы части, оружія, отечества. Послѣднюю славу легче осуществить; она достигается общими усиліями и реализуется въ боевыхъ успѣхахъ части или цѣлой арміи и въ поднятій значенія отечества. У солдата надо развивать сознаніе того, что, стремясь къ общей славы, онъ достигаетъ и личной, потому что славу всей части *носятъ на своей груди* всѣ офицеры и нижніе чины ея.

Славолубіе поощряется увѣковѣченіемъ дѣлъ отдѣльныхъ лицъ, частей, цѣлой арміи и народа *памятниками, колоннами, мавзолеями* и пр. Такимъ образомъ, славныя событія и имена совершившихъ ихъ передаются въ потомство на память и прославленіе, чтобы служить примѣромъ не только записаннымъ въ исторіи, но и наглядно изображеннымъ въ металлѣ и мраморѣ.

Средствомъ для поощренія славолубія служить еще сохраненіе и передача воспоминаній о подвигахъ отдѣльныхъ нижнихъ чиновъ полка или арміи. Поэтому въ нѣкоторыхъ арміяхъ имена прославившихся какимъ-нибудь подвигомъ нижнихъ чиновъ упоминаются на вечерней переключкѣ ⁷⁾.

Наконецъ, подъ вліяніемъ частыхъ разговоровъ о славы и о славныхъ дѣлахъ прошлаго, у солдата можетъ разгорѣться желаніе самому прославиться, а слѣдовательно и стремленіе къ боевымъ подвигамъ.

Здѣсь надо упомянуть, что жажда военной славы развивается больше всего тамъ, гдѣ народъ воинственнѣе и гдѣ военныя заслуги высоко цѣнятся. Въ такихъ народахъ военный духъ вызывается и поддерживается жаждой славы. А «поддержаніе военного

⁷⁾ Имя La Tour d'Auvergne, названнаго декретомъ Наполеона первымъ гренадеромъ Франціи, воспоминается на вечерней переключкѣ, а унтеръ-офицеръ отвѣчаетъ: «умеръ на полѣ чести».

Въ 1-й ротѣ Тенгинскаго русскаго полка на вечерней переключкѣ вызывается рядовой Архипъ Осиповъ, а фланговый отвѣчаетъ: «умеръ во славу русскаго оружія въ Михайловскомъ укрѣпленіи». Это было приказано Императоромъ Николаемъ I за геройскій подвигъ упомянутого рядового.

1) Фридрихъ Великій наканунѣ сраженія при Лейтенѣ, обращаясь въ своей рѣчи съ послѣднимъ призывомъ къ патріотизму генераловъ, налагаетъ на нихъ обязанность—*побѣдить или умереть*. Самъ онъ обязуется присягой въ томъ, что не переживетъ пораженія, и дѣлаетъ распоряженія въ этомъ духѣ. И дѣйствительно, опасность миновала, честь была спасена въ чудесномъ сраженіи, въ которомъ Фридрихъ съ 20 тысячами почти совершенно уничтожилъ 90 тысячную австрійскую армію, которою командовалъ маршалъ Даунъ.

2) Въ сраженіи при Ватерлоо, гордая гвардія Наполеона погибла геройски: изъ ея рядовъ доносились слова, которыя увѣковѣчили ея имя: «*La garde meurt et ne se rend pas*».

3) На военномъ совѣтѣ въ Мутенѣ Суворовъ сказалъ: «Спасите честь и достояніе Россіи и ея Самодержца»,—и эта честь была спасена побѣдою надъ французами и надъ природою.

4) О своихъ солдатахъ Скобелевъ выражался такъ: «Смерти не боятся, а боятся позора», и съ нами онъ совершилъ такія боевыя дѣла, которыя завоевали ему заслуженное мѣсто въ рядахъ лучшихъ русскихъ полководцевъ.

5) На Шипкѣ во время трехдневной геройской обороны перемала, болгарскіе ополченцы вмѣстѣ съ орловцами спасли честь русскаго оружія.

6) Наконецъ, въ дѣйствіяхъ симпатичнаго болгарскаго героя (1885 г.) подпоручика Ангелова, мы имѣемъ примѣръ того, на какую духовную высоту можетъ подняться военный мужъ и на какіе подвиги онъ способенъ, когда онъ руководится въ своемъ поведеніи принципомъ чести. Его слова: «Болгарскій солдатъ учился, какъ сражаться, а не какъ сдаваться», останутся навсегда девизомъ честныхъ болгарскихъ воиновъ.

Средства для возбужденія чувства чести. Такъ какъ чувство чести является сильнѣйшимъ противникомъ страха, то необходимо развивать его въ солдатахъ всѣми возможными средствами. Какъ на подходящія для этого средства, можно указать на слѣдующія:

1) *Надо развивать въ солдатъ сознаніе собственнаго достоинства.* Извѣстно, что въ массѣ, пополняющей армію нижними чинами всѣхъ званій, чувство чести мало развито. Для культуры послѣдняго, необходимо, прежде всего, поднять солдата въ его собственныхъ глазахъ, внушить ему сознаніе собственнаго достоинства, потому что до тѣхъ поръ, пока въ головѣ его не блеснетъ сознаніе, онъ будетъ смотрѣть на себя какъ на ничтожное су-